

УДК821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Художественное оформление – *Екатерина Фerez*
В книге использованы рисунки автора – *Рината Валиуллина*,
и его сына – *Руслана Валиуллина*

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 Не замужем: [сборник рассказов] / Ринат Валиуллин. –
Москва : Издательство АСТ, 2022. – 224 с. – (Проза
для гурманов).

ISBN 978-5-17-146891-0

Это книга, где каждая из историй не случайно названа своим женским именем. Ведь истории эти про обычную женщину, но в то же время яркую, харизматичную, но со своими тараканами, самостоятельную, но мечтающую иногда на ручки, сильную, но со своими слезами, которая в своей жизни сделала достаточно ошибок, но для полного счастья этого оказалось мало. В поисках этого самого счастья она влюблялась в мужчину, но в итоге расставалась с тираном, романтиком, алкоголиком или вовсе женатиком. Из всех чувств ничто так не спасало ее в жизни, как чувство юмора и чувство собственного достоинства.

«Не замужем» – дерзкие, жизнеутверждающие истории о том, что однажды приходится делать выбор, что ответить мужчине согласием очень просто, но если это касается личной свободы, то коротенькое слово ДА может перевернуть всю твою жизнь с ног на голову, незаметно поменяв местами две эти буквы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146891-0

© Р. Валиуллин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Однажды я уже была замужем.

И знаешь, что я поняла?

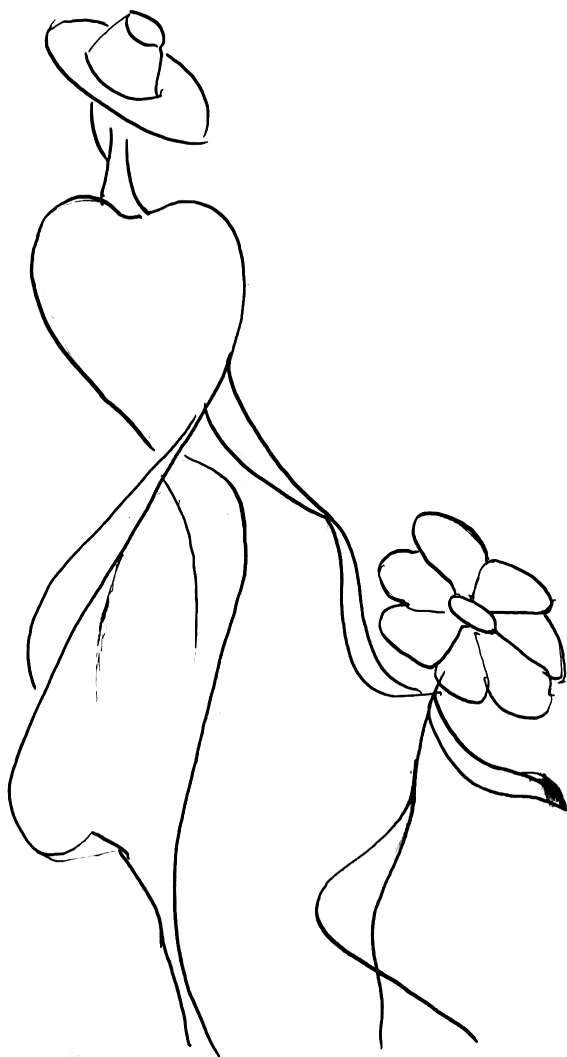
Женщине не нужен муж,

женщине нужен

мужчина.

Александра
(Под зонтом)

— Ты где была?
— Гуляла.
— Одна?

— Нет.

— А с кем?

— Вышла на улицу, смотрю дождь идет. Так и гуляли вдвоем.

— Вижу, вся мокрая. Опять зонт забыла? — встретила меня на пороге моя сокурсница Марина. Мы учились с ней на одном потоке и делили одну комнату в общежитии.

— Нет, взяла четырнадцать штук и по дороге все успела продать.

— Сашка, с твоими способностями надо было на менеджмент идти.

— Смеешься, там только мажоры учатся. Не люблю мажоров, — все еще отряхивалась я от дождя.

— На, — протянула мне Марина полотенце.

Я улыбнулась мокрой улыбкой в ответ и принялась сушить волосы.

— Мне кажется, лучше уж английским зарабатывать на частных уроках, чем так по вагонам шастать.

— Ты не понимаешь, дождь — это беспроектное дело.

— Ага, мокрое.

— Да нет, никакого риска, — рассмеялась я шутке. — База прямо рядом с вокзалом, там мне даже в рассрочку дают. Пробежалась по вагонам, раскидала зонты и людям хорошо, сухие домой придут, и я могу неделю спокойно жить и не думать на какие шишы пойти в пятницу в клуб.

— Не жалеешь ты себя.

— Жалею. Надо было больше брать. Говорил мне Вася со склада — «Погода шепчет. Бери больше!» У меня все зонты в первом же вагоне разобрали, так что до «Ораниенбаума» было даже время передохнуть.

— Хоть бы себе один оставила.

— Я и оставила, только все равно пришлось отдать.

— Вот она — жажда наживы, — рассмеялась Марина. — Чай будешь?

— Я бы сказала, благотворительность, — повесила я полотенце на батарею. — Спрашиваешь, конечно. Я еще в магаз успела забежать. Надеюсь, ты не имеешь ничего против булочек с брусникой.

— Забираю свои слова обратно. Надо было брать больше, — снова рассмеялась Марина. — Так кому ты отдала свой зонт?

* * *

База или склад, где я брала на реализацию зонты и прочую дребедень, находилась на рынке. Взяв там зонты, я медленно продиралась сквозь суету расходов и прибыли. Базар кипел одним ярким компотом овощей и фруктов. В его урожайной суете я вдруг увидел мальчика лет четырех, который понуро брел среди торговых рядов. Ручку мальчонки оттягивала огромная белая коробка из-под торта. Картонный короб бил его острыми углами по ногам и уже не радовал начинкой. Мальчик с надеждой вглядывался в полы взрослых пальто, словно мамонтенок, кото-

рый искал маму по цвету шкуры. Его щеки катали слезы. Он шел прямо ко мне. В груди у меня защемило, и даже навернулась слеза, совсем не та, что сейчас только вытер малыш со своего лица, слеза какого-то глупого сочувствия и жалости. Мне сразу захотелось усыновить его или хотя бы помочь найти мать, но та опередила меня. Она настигла сына сзади, и с разбегу дала затрещину тяжелой рукой. Шапка на голове малыша сбилась:

— Где тебя носило? Я же тебе сказала, ждать меня у двери! Я все ноги сбила, чтобы тебя найти!

Мать была взволнована, глаза ее гневно блеснули. Мамонтенок глупо улыбался, до сих пор не веря в то, что мать нашлась. Это была красивая женщина, лет тридцати пяти, в черном пальто и шляпе. Рот ее был красноречив от ярко-красной помады. Наконец она забрала у сына коробку с тортом.

— Все, пошли, на электричку из-за тебя опоздали. Теперь точно под дождь попадем, — дернула мать сына за руку и оба растворились в толпе.

В электричке люди совсем другие, менее одинокие, чем в метро. Здесь они чувствовали себя свободнее, сбросив с плеч недра земли. Тем не менее

транспорт был таким же общественным, здесь тоже пахло обществом. Пахло сырым погребом или старым шифоньером со своим изношенным гардеробом и со своими скелетами. Воздух холодных взглядов лишний раз подтверждал, что людей здесь ничего не связывало, как и в жизни, каждый пытался только найти комфортное место, чтобы доехать до своей станции. Одни входили, другие выходили. Как бы я ни хотела, но приходилось наблюдать за их лицами, за их выражением. Они настаивали. Всякий взгляд, брошенный милостыней, отзывался монетой на дне моего яблока. Люди перешептывались глазами, удостоенные разных полостей раковин вырезов, со своими взглядами и навязанными.

...Лица-ежедневники, утренние газеты, салфетки, глянец, без настроения, нечаянные, кофейные, родные, близкие, отчужденные. Лица-декорации, упаковки, фантики, лица, спрятанные в шарфы, воротнички, зонтики, шляпы, ухмылки, ресницы, усы, бороды с прожорливыми губами, сварливые, добрые, сохнувшие от нехватки любви, от работы и после нее, бледные, мертвые, беззаботные розовые лица людей-младенцев, завернутые в родитель-

скую истому. Я поняла, что в электричке чертовски мало лиц, на которые хочется любоваться.

...Вместе со взрослыми входили и серьезные детские лица, жизнь которых была средней и школьной. Лица сталкивались взглядами и кучковались с одинаковыми по богу, по прибыли, по недостаткам. Мелькали порой унылые, из которых не выбраться, лица трясины, редко-редко — прекрасные мордочки женщин с претензиями на красоту, с губами — на поцелуи. Единицы носили небесные лица: солнечные, в основном же — лунные. Среди них лица-кратеры, ушедшие глубоко в себя, дождливые лица — лужи, канавы, понурые, томные, со стекающей грустью бассетов, и просто олицетворение задниц, с большой поперечной морщиной, стекавшей от самого лба. Общество явно не выспалось, голодное, изможденное. Лица-пепельницы, прожженные не одной гражданской войной и многими бытовыми скандалами, пачки для сигарет, полные ржавых зубов, испепеляющие рубцами, шрамами, авторитетом.

Некоторых я видел только в профиль, они напоминали звенящую мелочь с носом, и одногла-

зые, полусухие, но гордые, они хронически смотрят вдаль, скрывая обратную сторону медали. Свежие лица хлеба, рыхлые, черствые в панировке бородавок-веснушек. Лица из гипса, из мрамора, асфальтовые. Смотрящие лицемерно в окна очков, мутными аметистами, изумрудами, серыми, как осеннее небо, зрачками — в них равнодушие и безразличие.

Быстро раскидав зонты, я прошла еще пару вагонов насквозь, прежде чем нашла свободное место. «Лиц много, главное, не потерять свое», — гоняла я про себя неожиданно возникшую в голове красивую строчку.

— Я вся промокла из-за тебя. Могли бы уже дома сидеть, чай пить. Надо же было родить такого идиота.

Мальчик тихонько ныл, всхлипывая, не столько от обиды, сколько от нелюбви.

— Хватит уже нюни распускать. Возьми себя в руки. Ты мужик или не мужик?

Услышала со скамейки напротив. Там сидела мама с мамонтенком. Мать все еще вымещала свое недовольство.

— Ну, что ты ведешь себя как малыш? И хватит уже ныть, голова болит. Что ты разнылся, как баба? Больше никуда с тобой не поеду!

— Ну разве можно так с детьми, пусть даже и со своими, — не выдержал старик, сидевший рядом со мной. — Вы же только подливаете масла в огонь! Ведь когда ребенку плохо, он ищет поддержки в своих родителях, а после сказанных вами слов малыш подумает, что вам все равно на его проблему и вы не хотите его выслушивать. У ребенка может развиваться психологическая травма. Ведь плакать нужно, потому что вы высвобождаете свои эмоции, а после такой неудачной фразы ребенок будет бояться плакать.

— Вы что, психолог?

— Да, психолог.

— Дети у вас есть?

— Нет.

— Сразу видно.

— Что видно?

— То, что вы ни черта не понимаете в жизни. Красивые слова, вот и все что вы умеете. Только в жизни они не работают, — стряхнула женщина

со своего пальто капли дождя, будто это и были те самые слова, которые не хотели работать, а только жить красиво на халяву. — Зато мне приходится вкалывать за двоих, — прошипела она недовольно про себя, ни взгляда не подарив своему сыну, который очень ждал, когда же мама ответит.

Старик не унимался, он решил доказать, что понимает.

— Для мужского пола насмешка женщины — это всегда травма, а насмешка от матери — самая глубокая из них.

— Вы еще и травматолог. Может, и мои травмы подлечите. Я же одна его воспитываю. Может, знаете, где этот козел, который обещал меня любить вечно?

— Мальчику без отца никак нельзя.

— Вы что, усыновить его хотите?

— Нет.

— Тогда хватит мне уже морали читать. Мой сын, как хочу, так и воспитываю. Я лучше знаю, что говорить.

— Ладно, тогда скажите, какова цель ваших слов? Вы же хотите, чтобы он вас слушался беспрекословно.